

Глава 1

Апрель, весна, промерзший за зиму воздух прогревается солнцем, просыпается природа, в деревьях начинают бушевать соки, в людях — гормоны. В это время кривая преступлений против половой неприкосновенности резко устремляется вверх.

Ольге Самохваловой не повезло, позавчера девушка возвращалась с работы домой, подъехал дорогой внедорожник, из него вышел озабоченный бандит, предложил свою любовь. А получив невежливый отказ, набросился на девчонку с кулаками. Одним ударом сломал ей нос, другим выбил зуб, схватил за волосы, затащил в машину. К счастью, мимо проезжал патруль, подонка задержали, пострадавшую отправили в больницу, там она и написала заявление.

А сегодня Самохвалова заявление отозвала. Подполковник Малахов даже не думал ее в чем-то упрекать. Ей ведь досталось не абы от кого, а от Никса. Известного бандита, в свое время занявшего место знаменитого Грамаря. А сей-

час он замещал самого Борщевика, главного авторитета Волговодска и прилегающих к нему районов. Самохвалову могли убить, не при-
ми она предложение, от которого невозможно отказаться.

Никс прятал улыбку, торжествуя, глядя на Малахова. Уголовное дело можно закрывать, а его — выпускать на свободу. Закон есть закон.

— А чему ты радуешься? — спросил Артем.

Никс, он же Никишин Семен Денисович, выглядел внушительно. Блестящая лысина, массивный лоб, широкая переносица, тяжелая нижняя челюсть, сильная шея, покатые плечи. Сломанные на борцовских коврах уши не превратились в уродливые пельмешки, а так и остались торчать локаторами на лысой голове. Торс у него мощный, а ноги на вид ничем не выдающиеся. Обычные ноги, не худые, не толстые. Тесный темно-синий костюм смотрелся на нем очень даже хорошо.

— Я не радуюсь, я каюсь, — усмехнулся Никс.

— Ну да.

— Ну, нашла нелегкая, сам знаешь, как это бывает.

— Не знаю. Я на женщину руку не поднимал! — Артем возмущенно повел бровью.

— Не руку. Но такое же тяжелое... Или нет?

— Положу на тебя, узнаешь. А я положу. Потому что гнида ты, Никс!

— За базаром следи, начальник!

— И ты следи, — кивнул Малахов. — За руками.

— Да я-то слежу. И ты нормально фильтруй.

Артем усмехнулся, глядя Никсу в глаза. Не осознал бандит остроту текущего момента, а ведь его предупреждали.

Как и оказалось, Никс действительно не ожидал удара. А рубанул Малахов мощно, на-верняка. Никс мужик хоть и тренированный, а сильный, по-настоящему сильный удар заставил его схватиться за живот и согнуться в поясе.

— Это предупреждение, — сказал Артем. — В следующий раз ударю ниже.

— Ну, ты в натуре, начальник, — сквозь зубы процедил Никс.

— Неправильно говоришь. «Я больше не буду, начальник» — вот так правильно.

— Правильно будет, когда ответишь.

— Давай спрашивай! — Малахов раскрылся для ответного удара.

В кабинете только он и Никс, ни свидетелей, ни камер. И руки у бандита свободны.

— Знаю я вашу породу!.. — скривился Никс.

— А я знаю вашу! Сначала нагадите, потом бегаєте от своего же дерьма, — презрительно скривился Малахов. — Где Борщевик?

И года не прошло, как он вступил в должность начальника отдела МВД по Волговодскому району, но Борщевик уже, считай, на задвор-

ках местной криминальной истории. Малахов низверг его и растоптал. Борщевик сам настоял на мирном договоре, обещал быть шелковым. Но не прошло и месяца как заказал Артема, но снова облажался. Прямых доказательств его вины Малахов так и не получил, но Борщевик все равно не рискует появляться в городе. Да и не нужно ему это. Может, осел где-нибудь в тихой гавани, живет в свое удовольствие на деньги, которые зарабатывает для него Никс.

— Ну-у...

— И ты будешь бегать. Если не поймешь, что не ты хозяин в этом городе. Закон в этом городе хозяин. Закон!.. Вопросы?

Малахов смотрел на бандита жестко, зло. Он не собирался заключать с ним никаких договоров, призывать к мирному сосуществованию. Оступится Никс на своей скользкой дорожке, упадет носом в свое дерьмо, Артем отмывать его не станет. Сколько заработал, столько и отмерит...

— Ну, закон так закон. Я против закона ничего не имею, — заелозил Никс.

— Тогда условно свободен.

— Условно?

— Пошел!

Кивком указав на дверь, Малахов подумал о потерпевшей, с которой Никс мог свести счеты. Но имя Ольги Самохваловой так и не произнес. Зачем? Он ведь ясно сказал, что спросит

с Никса за любого человека, которого тот посмеет обидеть. И с него спросит, и со всех, кто не хочет жить правильно...

* * *

Третий день льет дождь, выходные прошли под знаком дождя, понедельник начинается с него же. Сейчас бы в кабинете сидеть, горячим чайком баловаться, а служебный долг бросает в мокрядь.

Дорога плохая, трещины, колдобины, прочие неровности, песка много, щебня, но покрытие асфальтовое. Ноги в грязи не утопают, и то хорошо. А от дождя худо-бедно спасают непромокаемые накидки и зонты. Майор Павлов надел дождевик, следователь Планидкин под зонтом, криминалист Колышкин Станислав Петрович взял на вооружение и то, и другое. А потерпевшему все равно, лежит себе на обочине, вытянув руки и ноги, глаза открыты, зубы оскалены. А выражение лица злобное. Ни страха, ни боли в предсмертной гримасе, одна только злоба.

Человека убили ударом по голове, чем-то острым проломили надлобье, если точнее, чешую лобной кости. Удар оказался и сильным, и точным, потерпевший, похоже, умер мгновенно, видимо, даже не успев прочувствовать боль и страдание. И злобное выражение на лице не сменилось выражением страха. Возможно, чело-

век перед смертью с кем-то дрался, хотя на лице и не видно побоев. Не исключено, что пострадавшего ударили только один раз и наверняка.

Куртка нараспашку, воротник оттянут вверх, рукава подняты, волосатые запястья обнажены, видны часы. Одна туфля стянута с ноги, мало того, ее переехала машина. Дождь смыл грязь от колеса, но след протектора угадывается. Да и смята туфля — под весом автомобиля. На руках у покойника кожаные перчатки без пальцев, правая штанина подвернута, так делают некоторые водители, особенно в дождливую погоду, когда на резиновых ковриках под педалью газа хлюпает грязь.

— С дороги труп стаскивали, — глядя на покойника, сказал Планидкин. — Чтобы проезду не мешал.

Выражение лица у него, как обычно, апатичное, а взгляд живой, пытливый.

— А где машина? — спросил Колышкин, осторожно вынимая из кармана покойника портмоне.

У этого, напротив, мимика выразительная, а взгляд усталый.

Максим Павлов кивнул, глядя, как эксперт открывает портмоне, в прозрачных карманах которого хранились документы. И техпаспорт на машину там, водительские права.

Павлов посмотрел в сторону поселка, в окрестностях которого нашли труп. Киломе-

тра два всего до Ветряного, а дома под пеленой дождя едва угадываются. Утро уже наступило, половина седьмого, но небо затянуто тучами, солнца не видно. И настроение такое же пасмурное. Но работать надо.

— Микроавтобус «Форд Транзит», — прочитал Колышкин. — Две тысячи пятого года выпуска. Владелец — Ямщиков Василий Семенович. Населенный пункт Ветряной, улица Линейная, дом девятнадцатый.

— Телефон бы глянуть, — сказал Павлов.

— Телефона нет, — ощутив карманы куртки, качнул головой эксперт.

— Так и запишем: «Телефон остался в машине».

Павлов принял информацию к действию, позвонил оперативному дежурному, назвал номер и велел принять меры к розыску и задержанию автомобиля.

— А часы ничего себе, швейцарские, — осматривая труп, прокомментировал Планидкин. — Не самые, конечно, дорогие, но и не дешевые.

— На месте часы... — кивнул Павлов, глянув на носок на левой ноге покойного.

Дырка на пальце, небольшая, но в глаза бросается. Или Ямщиков надевал носки в темноте, поэтому дырку не заметил, или ему было все равно, в чем ходить. Но если все равно, то почему куртка в хорошем состоянии, джинсы не рваные? Туфля довольно прилично выглядит,

раздавленная, но не стоптанная, каблук ничуть не скошен.

— Значит, не ограбление.

— И деньги там в портмоне, карточка банковская, — кивнул Кольшкин.

И он, и следователь уже начали работу, осмотр места преступления на них, следы, улики, фото- и видеофиксация. Но со следами сейчас туго, дождь многое смыл. Кто-то тащил покойника, а на обочине ни одного свежего отпечатка ноги. Но это только так кажется. Более детальный осмотр может дать результат. И еще преступник тащил свою жертву, хватал за куртку, возможно, голыми руками. А потожировые выделения дождем плохо смываются, что-то может остаться. Выделение ДНК из потожировых следов процедура сложная, далеко не всегда возможная, но пальчики снять, возможно, получится. Куртку придется снять, отвезти в лабораторию, там цианоакрилатовая камера. Какой-то шанс на положительный результат имеется.

И еще неплохо было бы взять на экспертизу орудие убийства. Павлов мог только догадываться, чем проломили голову, но ничего похожего на монтировку, молоток и топор в поле зрения не попадало. Или в машине орудие преступления уехало, или где-то в траве у дороги валяется.

— Возможно, бытовуха, — предположил Павлов.

— С кем-то что-то не поделил Ямщиков, — кивнул в раздумье Планидкин. — С кем?

— Может, с пассажиром... — пожал плечами Колышкин. — Может, его из машины выбросили?

— На обочину?

— На дорогу.

— Если на дорогу, то на встречную полосу... — сказал Планидкин.

Павлов кивнул, соглашаясь со следователем. Дорога двухполосная, тело из машины могли выбросить на встречную полосу или на обочину. Существовал и третий вариант, через багажник. Но и тогда тело не могло помешать движению, если, конечно, микроавтобус двигался исключительно задним ходом. А труп стащили с дороги, потому что он мешал движению. Значит, еще живой Ямщиков стоял перед машиной, дорогу которой и перегородил. Тело убрали с дороги, машина уехала, все просто.

— Здесь на дороге убили. Может, пассажир, может, на дороге кто-то попался... Может, он кого-то остановил... Этот кто-то его и ударил. Возможно, монтировкой.

— С гвоздодером, — кивнул Колышкин.

— Ударил, убил, оттащил труп... Но если тащить труп... — Павлов показал, как преступник брался двумя руками за воротник покойника. — Если тащить труп, монтировка будет мешать...

Он размахнулся, забросил в траву за обочинной воображаемое орудие преступления и только затем взялся за труп. Целую пантомиму изобразил.

— Или в машину бросил! — подал голос лейтенант Кудылин.

Павлов улыбнулся, с иронией глянув на него. Хитрый жук, понимает, чем грозит ему версия начальника. Почва окрест дороги песчаная, ноги в грязь не проваливаются, но трава мокрая, искать в ней орудие убийства удовольствие сомнительное, вот он и согласился с более удобной версией.

— Это ты правильно подумал, Константин Сергеевич! Руки в ноги — и вперед! — Павлов обвел рукой пространство вокруг дороги.

— Ноги в руки... — начал, но запнулся Кудылин.

Нехорошо поправлять начальника, тем более когда он прав. К самым ногам придется опустать руки, чтобы найти орудие убийства. Руки в ноги, а голову в траву...

— А ноги в руки — это для меня, — усмехнулся Павлов. — Какая там у нас улица?

В полицию позвонил случайный водитель, проезжал, увидел труп, сообщил.

Ветряной начинался с приселка из трех домов, дальше разрыв метров триста-четырееста, и снова дома — сплошной линией. По Линейной улице. Строеение девятнадцать представляло со-

бой кирпичный дом на две семьи с разделенными забором участками. Фактически две квартиры, а в техпаспорте почему-то указан только дом.

Максим начал с первой квартиры, нажал на кнопку звонка. Ему долго не отвечали, наконец появился рослый мужчина с многодневной щетиной и обветренными губами. Дождь прекратился, но с дерева капало ему на плешивую макушку.

Максим увидел на руке у мужчины кровь, но также заметил и прилипшую к пальцам рыбью чешую. А одежда у него относительно чистая. Куртка рабочая, пятна на ней застарелые, а свежей грязи не видно. Крови тем более. Трикотажные штаны на нем, на калошах следы засохшей огородной грязи, которая только-только начала отмокать от соприкосновения с мокрым асфальтом.

— Чего?

— Майор полиции Павлов!

Щека у мужчины дернулась, он сдал назад, закрывая перед собой калитку. Но двигался он неуверенно и калитку закрывал медленно. Максим с силой толкнул калитку, мужчина стал падать.

— Лежать! Не двигаться!

Во двор Павлов заходил, на ходу вынимая пистолет. И с предохранителя его снять успел, и затвор передернуть, когда на него с лаем накинулся плотно сбитый, прыгавший на сильных ножках мопс. Стрелять Максим не стал, просто

пнул собаку, и очень удачно. Пес мгновенно заткнулся и, поджав хвост, бросился к дому.

Мужчина поднялся, но Максим направил на него пистолет.

— Лежать, я сказал!

— Ложусь! — Мужчина осторожно приземлил свой зад на деревянную скамейку, вмурованную в землю.

— Руки вперед!

Мужчина кивнул, вытянул руки, Павлов протянул ему наручники.

— Надевай!

— Хорошо... — Мужчина надел наручники и только тогда спросил: — А что я такого сделал?

— А что ты такого сделал? — спросил Максим, глядя на приоткрытую дверь, за которой скрылась пришибленная собака.

Дверь никто не закрывал, занавески в окнах не шевелились, в доме, похоже, никого не было. Но снова мог появиться мопс. Максим и чувствовал вину перед ним, но, если вдруг опять нападет, ударит снова, не раздумывая.

— Так это не я!

— А кто?

— Не знаю... Иду, слышу, как рванет!.. Ну, рыбу, думаю, глушат...

— Тротилом?

— Так это не я!

— А кто?

— Ну, Михайловна, может, и меня видела.

- Михайловна?
- Не знаете?
- И тебя не знаю. Фамилия? Имя? Отчество?
- Чесноков... Яков Ильич.
- Рыбу режешь?
- Карпа поджарить хочу.
- За что?
- Как это за что?
- Ямщикова за что убил?
- Ямщикова?!. Ваську?!. Как это убил? — захлопал глазами Чесноков. Он находился в состоянии шока, и Павлов не видел в том фальши.
- А руки чего в крови?
- Так карпа режу.
- А времени сколько? Не рано ли для карпа?
- Так жена сейчас со смены вернется, она просила рыбку на завтрак поджарить.
- Со смены жена?
- Она у меня в электросети, диспетчером.
- Они ж только к обеду сменяются.
- Моя утром, скоро будет... А что? Ямщикова убили?
- А сейчас Чесноков фальшивил. Понимал, что его могут или уже подозревают в убийстве, поэтому переборщил, изображая ужас.
- Ямщиков твой сосед?
- Да.
- Когда он сегодня утром уезжал?
- Ночью, темно было. Часа в два.
- А чего так рано?

— Ну так он в любое время сорваться может, микроавтобус у него, по заказам работает.

— Женат?

— Кто, я?

— Ямщиков.

— Да, женат, Оксана сейчас дома должна быть, так-то она на почте работает.

— Дети?

— У нас сын, а у них дочь...

— Сын где?

— В школу, в город повезли, автобус забрал.

Павлов кивнул, видел он автобус с табличкой «дети», навстречу ему ехал.

— И Ленка поехала, ну, Ямщикова дочка...

— А вы, я вижу, дружно с соседями живете? — Павлов смотрел на межевой забор, его заинтересовала калитка в нем. — В гости друг к другу ходите?

— Ну а чего нам враждовать?

— Пойдем, позовешь Оксану... э-э... — Максим сделал паузу, ожидая ответа.

— Оксана Евгеньевна.

Павлов не торопился снимать с Чеснокова наручники. Вдруг он и есть убийца, вдруг, почуввав свободу, сбежит от него. Еще и ударит. Мужик он крепкий. Такой запросто мог человека с одного удара убить, если монтировкой.

Ямщикова очень удивилась, увидев соседа в наручниках. Крупная женщина, лицо широкое, щеки пышные, но ее это ничуть не порти-

ло. Большие светлые глаза, изящный носик... Очень интересная женщина. И уже вдова. Максим ничуть не сомневался в том, что на дороге лежал Ямщиков Василий Семенович, а не кто-то другой. Уж очень оригинал похож был на фотографию в его водительском удостоверении.

— Яша, ты чего?

— Да вот, за убийство... — Чесноков запнулся, замолчал и косо глянул на Максима.

— Вы кто? — посмотрела на него и женщина.

Она уже собралась на работу, и волосы уложены, и макияж наведен, плащ на ней, шарфик, полусапожки на невысоком каблуке. Осталось только сумочку взять — и можно уходить. Она явно ничего не знала.

— Оксана Евгеньевна, мне очень жаль, — вздохнул Максим.

— Кто вы такой? — Голос женщины перешел на хрип. Краска сходила с ее лица.

— Майор полиции Павлов.

Максим достал удостоверение, но Ямщикова смотрела на Чеснокова.

— Почему за убийство? Что за убийство?

— Оксана Евгеньевна!..

— Что с Василием? — Ямщикова повела рукой в поисках опоры, зацепилась за столб, на котором держался козырек над крыльцом.

— Оксана Евгеньевна, скажите, гражданин Чесноков уезжал сегодня вместе с вашим мужем?

— Гражданин Чесноков? — женщина глянула на соседа.

— Яков Ильич, — кивнул Павлов.

— Нет, не уезжал.

— Вы в этом уверены?

— Да, я термос Василию принесла, он уже за ворота выехал. Не было никого в машине.

— Вы на улицу выходили?

— Да, на улицу.

— И сразу домой?

— Да нет, какое-то время стояла... На сердце что-то давить стало... Что с Васей? — взвился голос женщины.

Но Павлов не отвечал. Ямщикова и без того все поняла, хотя еще на что-то надеялась.

— А Яков Ильич вслед за вашим мужем не выезжал? Может, вы видели, как он выезжал со двора?

— На чем выезжал? — хмыкнул Чесноков. — У моей машины двигатель в ремонте. Второй год уже.

— У Яши нет машины, — кивнула, подтверждая женщина.

— И такси он не вызывал?

— Не было такси.

— Значит, не он вашего мужа убил, — снимая с Чеснокова наручники, сказал Максим.

— Не он убил, — с чувством облегчения согласилась Ямщикова.

— А муж ваш по вызову уехал?